

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ОПТИЧЕСКИЕ СПЕКТРЫ FeVO_3 С УЧЕТОМ СИЛЬНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ

С. Г. Овчинников*, В. Н. Заблуда

Институт физики им. Л. В. Киренского Сибирского отделения Российской академии наук
660036, Красноярск, Россия

Поступила в редакцию 16 мая 2003 г.,
после переработки 19 сентября 2003 г.

Предложена модель зонной структуры FeVO_3 , сочетающая одноэлектронное описание sp -состояний бора и кислорода и многоэлектронное описание d -состояний железа. Для вычисления функции Грина d -электронов используется точное спектральное представление Лемана, энергии квазичастиц d -типа вычисляются через термы конфигураций d^4 , d^5 и d^6 . Оптический спектр поглощения определяется локальными экситонами и электронными возбуждениями с переносом заряда, последние определяют природу диэлектрической щели в FeVO_3 . Параметры модели определены из сравнения с энергией экситонов, рассчитана одночастичная плотность состояний для FeVO_3 , основные линии в оптическом спектре поглощения вплоть до энергий 3 эВ хорошо согласуются с экспериментальными данными.

PACS: 75.30.Et, 75.50.Ee

1. ВВЕДЕНИЕ

Борат железа FeVO_3 — один из немногих магнетиков, сочетающий прозрачность в видимой области спектра со спонтанной намагниченностью при комнатной температуре. Он является слабым ферромагнетиком с почти антипараллельными подрешетками спинов ионов Fe^{3+} , лежащих в базисной плоскости (111) ниже температуры Нееля $T_N = 348$ К [1]. Кристалл имеет структуру кальцита с пространственной группой $R\bar{3}c$ (D_{3d}^6) [1, 2], в которой ионы Fe^{3+} окружены кислородным октаэдром почти кубической симметрии, расстояние Fe–O равно 2.028 Å, расстояние Fe–Fe составляет 3.601 Å, а углы связей O–Fe–O равны 91.82° и 88.18° [3]. При нормальных условиях FeVO_3 является изолятором с краем оптического поглощения $E_g^{(0)} = 2.9$ эВ [4]. Несмотря на многолетнюю историю исследований FeVO_3 , интерес к этому кристаллу не ослабевает. Недавно обнаружены структурный фазовый переход [5] и коллапс магнитного момента [6] иона Fe^{3+} под давлением, исследованы концентрационные зависимости магнитных и оптических свойств ряда твердых растворов $V_x\text{Fe}_{1-x}\text{VO}_3$ [7], обнаружено оптически ин-

дуцированное разрушение магнитного порядка при импульсной оптической накачке [8].

Вместе с тем до сих пор не известна хотя бы качественная связь наблюдаемых свойств с электронной структурой материала. Трудности применения стандартной зонной теории к FeVO_3 обусловлены сильными электронными корреляциями d -электронов железа, поскольку в одноэлектронном подходе d^5 -конфигурация иона Fe^{3+} ведет к частично заполненной зоне и металлическому состоянию. В модели Хаббарда при наличии сильных электронных корреляций, когда кулоновское взаимодействие $U \gg W$, где W — ширина d -зоны для половины заполненной d -зоны, получим состояние мотт-хаббардовского антиферромагнитного диэлектрика. Однако в случае FeVO_3 , как и для многих других реальных веществ, простая картина, основанная на модели Хаббарда, усложняется наличием большого числа $d(f)$ -орбиталей.

В настоящей работе предложена многоэлектронная модель, учитывающая все d -орбитали и сильные электронные корреляции d -электронов. В одночастичную плотность состояний d -электронов вносят вклад локальные квазичастицы с энергиями

$$\Omega_{ij} = E_i(d^{n+1}) - E_j(d^n),$$

*E-mail: sgo@iph.krasn.ru

где $E_i(d^n)$ обозначает i -й терм d^n -конфигурации, в случае FeVO_3 существенными оказываются энергии как высокоспиновых, так и различных низкоспиновых термов ионов Fe^{2+} , Fe^{3+} и Fe^{4+} . Аналогичный подход при обсуждении магнетизма d -металлов применялся в работах [9, 10], а слоистых купратов — в работе [11]. Параметры модели определены из сопоставления с энергией экситонных пиков в спектре поглощения, после чего рассчитанная плотность состояний $N(E)$ сопоставляется с экспериментально измеренным спектром поглощения в широком интервале энергий $E \leq 3$ эВ.

План работы следующий. В разд. 2 дается формулировка многоэлектронной многозонной модели FeVO_3 , в разд. 3 вычисляется локальная функция Грина d -электронов и сравнивается с точным спектральным представлением Лемана, в разд. 4 приведен экспериментальный спектр поглощения FeVO_3 в широком диапазоне энергий, в разд. 5 приводится сравнение рассчитанной плотности состояний $N(E)$ и экспериментальных спектров поглощения, в разд. 6 обсуждается температурная зависимость спектров.

2. МНОГОЭЛЕКТРОННАЯ МНОГОЗОННАЯ МОДЕЛЬ ЭЛЕКТРОННОЙ СТРУКТУРЫ FeVO_3

Одноэлектронные зонные расчеты FeVO_3 из первых принципов методами функционала плотности в приближении локальной спиновой плотности [12], в обобщенном градиентном приближении [13], а также расчет молекулярных орбиталей кластера Fe_6O_6 [7] выявили следующую картину электронной структуры FeVO_3 . Пустая зона проводимости ε_c формируется в основном s - и p -состояниями бора, потолок валентной зоны ε_v формируется в основном s - и p -состояниями кислорода, зонная щель между ними E_{g0} в антиферромагнитной фазе составила 2.5 эВ [12], что достаточно близко к оптическому краю поглощения $E_{g0} = 2.9$ эВ. Зона d -электронов лежит вблизи потолка валентной зоны, параметр кристаллического поля $\Delta \approx 1$ эВ [12]. Гибридизация d -электронов железа с s - и p -электронами кислорода очень мала [7, 12], много меньше, чем в оксидах $3d$ -металлов, что связано с очень сильной гибридизацией внутри группы VO_3 , фактически имеется ион $(\text{VO}_3)^{3-}$, кислородные орбитали замкнуты на бор, что обуславливает малость p - d -гибридизации. Такое обстоятельство существенно упрощает многоэлектронную модель, так как можно рассчитывать

термы железа d^n ($n = 4, 5, 6$) в кристаллическом поле, а не комплекса металл-кислород, как, например, в оксидах меди [11].

Внутриатомная часть гамильтониана d -электронов может быть записана в виде

$$H_{at} = \sum_{\lambda, \sigma} \left(\varepsilon_{\lambda} n_{\lambda\sigma} + \frac{U_{\lambda}}{2} n_{\lambda\sigma} n_{\lambda\bar{\sigma}} \right) + \sum_{\substack{\lambda, \lambda' \\ (\lambda \neq \lambda')}} \sum_{\sigma, \sigma'} \left(V_{\lambda\lambda'} n_{\lambda\sigma} n_{\lambda'\sigma'} - J_{\lambda\lambda'} a_{\lambda\sigma}^{\dagger} a_{\lambda\sigma'} a_{\lambda'\sigma'}^{\dagger} a_{\lambda'\sigma} \right), \quad (1)$$

где $n_{\lambda\sigma} = a_{\lambda\sigma}^{\dagger} a_{\lambda\sigma}$, $a_{\lambda\sigma}$ — оператор рождения d -электрона на одной из пяти орбиталей λ с проекцией спина σ , $\bar{\sigma} = -\sigma$. Первое слагаемое описывает атомные d -уровни в кристаллическом поле. Малой одноосной компонентой кристаллического поля пренебрегаем и полагаем

$$\varepsilon(t_{2g}) = \varepsilon_d - 2\Delta/5, \quad \varepsilon(e_g) = \varepsilon_d + 3\Delta/5.$$

Остальные слагаемые в (1) соответствуют кулоновскому внутриорбитальному U_{λ} и межорбитальному $V_{\lambda\lambda'}$ отталкиваниям, а также хундовскому обмену $J_{\lambda\lambda'}$. Для простоты будем пренебрегать орбитальной зависимостью кулоновских матричных элементов, считая, что есть три параметра, U , V и J , связанные между собой известным условием $U = 2V + J$.

Кинетическая энергия d -электронов, обусловленная межатомными перескоками, описывается следующим гамильтонианом:

$$H_t = \sum_{i,j,\sigma} \sum_{\lambda,\lambda'} t_{ij}^{\lambda\lambda'} a_{i\lambda\sigma}^{\dagger} a_{j\lambda'\sigma} + \text{H.c.}, \quad (2)$$

где $t_{ij}^{\lambda\lambda'}$ — матричный элемент перескока между узлами i и j . Основным является матричный элемент для ближайших соседей, $t \sim t_{pd}^2/|\varepsilon_p - \varepsilon_d|$, который ввиду малости p - d -гибридизации Fe-O также невелик, $t \ll U$, что и обуславливает эффекты сильной электронной корреляции. Таким образом, параметрами модели являются два кулоновских параметра, U и J , величина кристаллического поля Δ , положение одноэлектронного d -уровня относительно потолка валентной зоны ε_v , $\delta = \varepsilon_d - \varepsilon_v$, и интеграл перескока t . Параметры будут определены из сравнения с оптическими и фотоэмиссионными спектрами в разд. 4.

Ион Fe^{3+} имеет конфигурацию d^5 и может находиться в различных спиновых и орбитальных термах. Также нам понадобятся термы конфигураций

$d^4(\text{Fe}^{4+})$ и $d^6(\text{Fe}^{2+})$ для описания рождения дырки и электрона в многоэлектронной системе. Энергии термов для каждой конфигурации d^n можно также выразить через параметры Рака A, B, C [14, 15]. Параметры B, C и Δ определены для термов иона Fe^{3+} в работе [16]: $B = 680 \text{ см}^{-1}$, $C = 3160 \text{ см}^{-1}$, $\Delta = 12700 \text{ см}^{-1}$.

Пренебрегаем малой одноосной компонентой кристаллического поля, тогда вырождены три t_{2g} -уровня и два e_g -уровня. Для конфигурации d^5 основное состояние ${}^6A_1$ описывается волновой функцией (для $S^z = +5/2$)

$$|d^5, S = 5/2, S^z = 5/2\rangle = t_{1\uparrow}^+ t_{2\uparrow}^+ t_{3\uparrow}^+ e_{1\uparrow}^+ e_{2\uparrow}^+ |0\rangle, \quad (3)$$

$$E_{5/2}(d^5) = 5\varepsilon_d + 10V - 10J,$$

где $t_{\lambda\sigma}^+$ ($\lambda = 1, 2, 3$) и $e_{\lambda\sigma}^+$ ($\lambda = 1, 2$) — операторы рождения электронов t_{2g} и e_g в одном из орбитальных состояний λ с проекцией спина σ , $|0\rangle$ — вакуумное состояние для d -электронов. Нижний возбужденный терм ${}^4T_1$ имеет ненулевой орбитальный момент и спин $S = 3/2$. Аналогично могут быть записаны и остальные возбужденные термы с $S = 3/2$, например, терм ${}^4A_1$ имеет конфигурацию $t_{2g}^{3\uparrow} e_g^{\uparrow} e_g^{\downarrow}$ с энергией

$$E'_{3/2}(d^5) = 5\varepsilon_d + 10V - 6J.$$

Низкоспиновый возбужденный терм ${}^2T_2$ с конфигурацией $t_{2g}^{3\uparrow} t_{2g}^{2\downarrow}$ имеет энергию

$$E_{1/2}(d^5) = 5\varepsilon_d - 2\Delta + 2U + 8V - 4J.$$

Выпишем также основные и низшие термы для конфигураций d^4 и d^6 . Для d^4 основной терм ${}^5E$ имеет конфигурацию $t_{2g}^{3\uparrow} e_g^{\uparrow}$ для $S = 2, S^z = 2$ с энергией

$$E_2(d^4) = 4\varepsilon_d - 3\Delta/5 + 6V - 6J.$$

Нам также понадобятся терм ${}^3T_1$ с $S = 1$ и энергией

$$E_1(d^4) = 4\varepsilon_d - 8\Delta/5 + U + 5V - 3J$$

и терм ${}^1E(t_{2g}^{2\uparrow} t_{2g}^{2\downarrow})$ с $S = 0$.

Для конфигурации d^6 основной терм ${}^5T_2$ с конфигурацией $t_{2g}^{3\uparrow} t_{2g}^{\downarrow} e_g^{2\uparrow}$ имеет энергию

$$E_2(d^6) = 6\varepsilon_d - 2\Delta/5 + U + 14V - 10J,$$

возбужденный спиновый триплет ${}^3T_1$ имеет энергию $E_1(d^6)$, а спиновый синглет ${}^1A_1(t_{2g}^{3\uparrow} t_{2g}^{3\downarrow})$ обладает энергией $E_0(d^6)$. При заданных значениях параметров B и Δ для каждого терма их энергии находятся численно из диаграмм Танабе–Сугано [14, 15] относительно нижнего терма каждой конфигурации (см.

ниже рис. 1). Отметим, что для наполовину заполненной конфигурации d^5 должна иметь место электронно-дырочная симметрия. Эта симметрия становится очевидной, если отсчитывать одноэлектронную энергию ε_d от химического потенциала, что будет показано ниже в разд. 5.

3. ОДНОЧАСТИЧНАЯ ФУНКЦИЯ ГРИНА ДЛЯ d -ЭЛЕКТРОНОВ

Для определения связи между многоэлектронными термами и спектром одночастичных возбуждений, определяющим плотность одночастичных состояний, $N(E)$, воспользуемся обобщением идей Хаббарда. Поскольку перескоки между атомами малы, в нулевом приближении по t точная одночастичная функция Грина $G_{k\sigma}(\omega) = \langle\langle a_{k\sigma} a_{k\sigma}^\dagger \rangle\rangle$ сводится к локальной функции $G^{(0)}(\omega)$. Последовательным способом расчета функции Грина при $t/U \ll 1$ является представление X -операторов Хаббарда, построенных на собственных состояниях операторов H_{at} . В нашем случае это приведенные выше термы d^n -конфигураций. Для исходной модели Хаббарда без орбитального вырождения соответствующая теория возмущений приведена в работах [17, 18], а для случая произвольного вырождения — в работе [19].

Структура локальной функции Грина d -электронов видна из точного спектрального представления Лемана [20], согласно которому при $T = 0$

$$G_\sigma(k, \omega) = \sum_m \left(\frac{A_m(k, \omega)}{\omega - \Omega_m^+} + \frac{B_m(k, \omega)}{\omega - \Omega_m^-} \right), \quad (4)$$

где энергии квазичастиц равны

$$\begin{aligned} \Omega_m^+ &= E_m(N+1) - E_0(N) - \mu, \\ \Omega_m^- &= E_0(N) - E_m(N-1) - \mu, \end{aligned} \quad (5)$$

а их спектральные веса определяются матричными элементами

$$\begin{aligned} A_m(k, \omega) &= |\langle 0, N | a_{k\sigma} | m, N+1 \rangle|^2, \\ B_m(k, \omega) &= |\langle m, N-1 | a_{k\sigma} | 0, N \rangle|^2. \end{aligned} \quad (6)$$

Здесь $|m, N\rangle$ обозначает многоэлектронное собственное состояние системы с N электронами и порядковым номером m ,

$$H|m, N\rangle = E_m|m, N\rangle,$$

индекс « m » нумерует квазичастицу со спином $1/2$, зарядом e (как видно из матричных элементов), энергией Ω_m^+ (Ω_m^-) и спектральным весом A_m (B_m).

Представление Лемана описывает электрон как суперпозицию различных квазичастиц, для которых индекс « m » служит зонным индексом квазичастицы.

При конечных температурах представление Лемана может быть записано, например, для запаздывающей функции Грина (см. [21, 22]) следующим образом:

$$G_{\sigma}^R(k, \omega) = \sum_{m,n} W_n \frac{A_{mn}(k, \omega)}{\omega - \Omega_{mn}^+ + i0} \times [1 + \exp(-\Omega_{mn}^+/T)]. \quad (7)$$

Здесь $\Omega_{mn}^+ = E_m(N+1) - E_n(N) - \mu$, статический вес состояния $|n\rangle$ определяется распределением Гиббса с термодинамическим потенциалом Ω ,

$$W_n = \exp(\Omega - E_n + \mu N)/T.$$

Поскольку при $T \neq 0$ заселено не только основное состояние $|0, N\rangle$, но и возбужденные состояния $|n, N\rangle$, квазичастица нумеруется двумя индексами, « m » и « n », и определяется как возбуждение в многоэлектронной системе, связанное с добавлением к N -электронной системе в состоянии $|n, N\rangle$ электрона с переходом в конечное $(N+1)$ -электронное состояние $|m, N+1\rangle$.

В представлении Лемана $|m, N\rangle$ есть неизвестное состояние всего кристалла. Как будет показано ниже, в схеме обобщенного метода сильной связи [19] локальная функция Грина $G^{(0)}$ имеет такую же структуру, но определяется она локальными многоэлектронными термами $|m, N\rangle$, приведенными в разд. 2. В нашем случае для FeVO_3 существенны термы с $N = 4, 5, 6$. Обозначим $|m, N\rangle \equiv |p\rangle$, X -оператор на узле f определяется как

$$X_f^{pq} = |p\rangle\langle q| = |mN\rangle\langle m'N'|. \quad (8)$$

В стандартной записи X -операторов приходится иметь дело с громоздкими и неуклюжими обозначениями, нумерующими начальное и конечное состояния. Для их упрощения воспользуемся идеей Зайцева [17] и введем вместо пары индексов (p, q) так называемый корневой вектор $(p, q) \leftrightarrow \alpha(p, q) \equiv \alpha$. Более того, поскольку множество таких векторов счетно, пронумеруем каждый из них, $\alpha \leftrightarrow \alpha_n$, и в дальнейшем будем указывать только номер корневого вектора n :

$$X_f^{pq} \leftrightarrow X_f^{\alpha(p,q)} \leftrightarrow X_f^{\alpha_n} \leftrightarrow X_f^n.$$

Фактически это означает, что мы составляем таблицу соответствия парам (p, q) векторов α_n и ин-

дексов n , которая необходима для явного вычисления коммутационных соотношений. Определим векторы α так, чтобы они соответствовали процессу уничтожения электрона, т. е. $N_q - N_p = +1$. Тогда операторы уничтожения (рождения) электрона в состоянии $|f\lambda\sigma\rangle$ могут быть точно записаны в X -представлении в виде

$$a_{f\lambda\sigma} = \sum_n \gamma_{\lambda\sigma}(n) X_f^n, \quad (9)$$

$$a_{f\lambda\sigma}^\dagger = \sum_n \gamma_{\lambda\sigma}^*(n) (X_f^n)^\dagger,$$

$$\gamma_{\lambda\sigma}(n) = \langle p|a_{f\lambda\sigma}|q\rangle = \langle mN|a_{f\lambda\sigma}|m', N+1\rangle. \quad (10)$$

Поскольку гамильтониан H_{at} в представлении операторов Хаббарда диагонален, локальная функция Грина d -электронов вычисляется непосредственно и равна

$$G_{\lambda\lambda'\sigma}^{(0)}(k, \omega) = \sum_n \gamma_{\lambda\sigma}(n) \gamma_{\lambda'\sigma}^*(n) \frac{F(n)}{\omega - \Omega_n + i0}, \quad (11)$$

где $\Omega_n = E_{m'}(N+1) - E_m(N)$, фактор заполнения $F(n) = \langle X_f^{pp} \rangle + \langle X_f^{qq} \rangle$. Очевидно, что функция Грина (11) реализует представление Лемана внутри элементарной ячейки, но в отличие от невычисляемых энергий и матричных элементов в представлении Лемана все величины, входящие в (11), вычисляются через локальные характеристики термов. Здесь индекс « n » нумерует квазичастицы с зарядом e , спином $1/2$, энергией Ω_n и спектральным весом $A_{\lambda\lambda'\sigma}(n) = \gamma_{\lambda\sigma}(n) \gamma_{\lambda'\sigma}^*(n) F(n)$. В то же время в силу полноты базиса многоэлектронных состояний $|p\rangle$ суммарный спектральный вес сохраняется таким же, как для свободных электронов.

В диаграммной технике для X -операторов [17–19] ряды теории возмущений строятся не для электронной функции Грина, а для матричной функции Грина

$$D_{nn'}(k, \omega) = \langle\langle X_k^n | (X_k^{n'})^\dagger \rangle\rangle_\omega,$$

связанных в силу соотношений (9) равенством

$$G_{\lambda\lambda'\sigma}(k, \omega) = \sum_{n,n'} \gamma_{\lambda\sigma}(n) \gamma_{\lambda'\sigma}^*(n') D_{nn'}(k, \omega).$$

Для функции Грина $\hat{D}$ может быть записано обобщенное уравнение Дайсона, в котором возмущение перенормирует не только массовый оператор, но и спектральный вес. В простейшем приближении Хартри–Фока массовый оператор определяется фурье-образом интеграла перескока $t_{nn'}(k)$, в результате для закона дисперсии квазичастиц получается следующее дисперсионное уравнение:

$$\det \|\delta_{nn'}(\omega - \Omega_n)/F(n) - t_{nn'}(k)\| = 0. \quad (12)$$

Очевидна аналогия уравнения (12) с дисперсионным уравнением одноэлектронного метода сильной связи: структура уравнений совпадает. Однако имеются и важные различия: во-первых, локальные энергии Ω_n уже содержат внутриячейные кулоновские взаимодействия в отличие от одноэлектронных энергий $\varepsilon_{\lambda\sigma}$; во-вторых, зонный индекс n квазичастицы определяется парой индексов (начальное, конечное) состояний и отличается от зонного индекса свободных электронов λ ; в-третьих, через факторы заполнения $F(n)$ зонная структура квазичастиц зависит от концентрации электронов, температуры и внешних полей; одноэлектронной модели жесткой зоны для квазичастиц быть не может.

Для нахождения чисел заполнения и факторов $F(n)$ необходимо решать уравнение для химического потенциала, которое в X -представлении может быть записано в виде

$$N_e = \sum_{f,m,N} N \langle X_f^{mN,mN} \rangle. \quad (13)$$

Здесь $\langle X_f^{mN,mN} \rangle$ есть число заполнения термина с номером m конфигурации d^N на узле f , каждый терм d^N дает вклад в число электронов, равный N , их сумма по всем состояниям равна полному числу электронов N_e . Решение этого уравнения при $T = 0$ для FeVO_3 имеет вид

$$\langle X_f^{mN,mN} \rangle = 0$$

для всех m при $N \neq 5$, а для $N = 5$

$$\langle X_f^{+5/2,+5/2} \rangle = 1.$$

Числа заполнения остальных d^5 -конфигураций равны нулю. Здесь имеется в виду, что для $S = 5/2$ в магнитоупорядоченной фазе терм $E_{5/2}(d^5)$ расщеплен по проекции и заселен только нижний подуровень для данной подрешетки ($+5/2$ для подрешетки A , $-5/2$ для B). Конечно, имеются нулевые квантовые флуктуации спина, приводящие к малой заселенности следующих подуровней с $S = 5/2$, $S^z = 3/2$; этот малый эффект будет обсуждаться ниже в разд. 5.

Межатомные перескоки в антиферромагнитной фазе подавляются из-за спин-поляронного эффекта [23]. При перескоке между ближайшими соседями эффективный интеграл перескока определяется произведением факторов заполнения на двух узлах, принадлежащих противоположным подрешеткам A и B [24]. Так, для нижней хаббардовской зоны име-

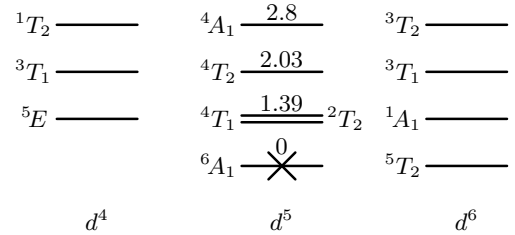

Рис. 1. Схема термов ионов Fe^{4+} , Fe^{3+} и Fe^{2+} . Крестом отмечен заполненный при $T = 0$ нижний терм ${}^6A_{1g}$. Числа над уровнем соответствуют его энергии относительно нижнего уровня

ем, что эффективный гамильтониан перескока t_v отличается от одноэлектронного интеграла t :

$$t_v^2 = t^2 \left(\langle X_A^{+5/2,+5/2} \rangle + \langle X_A^{+2,+2} \rangle \right) \times \left(\langle X_B^{+5/2,+5/2} \rangle + \langle X_B^{+2,+2} \rangle \right), \quad (14)$$

где $\langle X_A^{pp} \rangle$ и $\langle X_B^{pp} \rangle$ — числа заполнения состояния $|p\rangle$ соответственно в подрешетках A и B , $|+5/2\rangle$ и $|+2\rangle$ — спиновые подуровни термов $E_{5/2}(d^5)$ и $E_2(d^4)$, расщепленных внутренним молекулярным полем по проекции спина. Если для подрешетки A уровень $|+5/2\rangle$ нижний и заполнен, то для подрешетки B нижний подуровень $| -5/2\rangle$, а подуровень $|+5/2\rangle$ не заполнен при $T = 0$. Поэтому $\langle X_B^{+5/2,+5/2} \rangle = 0$ при $T = 0$, числа заполнения всех подуровней d^4 и d^6 также равны нулю для FeVO_3 , так что ширины хаббардовских зон близки к нулю.

В результате именно полюсы локальной функции Грина (11) определяют одночастичные вклады d -типа в $N(E)$. На рис. 1 показаны нижние уровни конфигураций d^4 , d^5 и d^6 , крест обозначает заполненный нижний подуровень термина ${}^6A_1$ иона Fe^{3+} . Ненулевой фактор заполнения имеют переходы ${}^6A_1 \rightarrow d^4$ (рождение дырки) и ${}^6A_1 \rightarrow d^6$ (рождение электрона), но матричные элементы, $\gamma_{\lambda\sigma}(n)$, см. (10), отличны от нуля только тогда, когда разность спинов термов $|p\rangle$ и $|q\rangle$ равна $1/2$. В данном случае это означает, что ненулевые спектральный вес и вклад в $N(E)$ дадут только переходы между нижними терминами всех конфигураций:

$$\begin{aligned} \Omega_v &= E_{5/2}(d^5) - E_2(d^4), \\ \Omega_c &= E_2(d^6) - E_{5/2}(d^5). \end{aligned} \quad (15)$$

Уровни Ω_v и Ω_c и возникающие из них после учета слабых межатомных перескоков зоны $\Omega_v(k)$ и $\Omega_c(k)$ — аналоги нижней и верхней хаббардовских

подзон. Кроме них представляют интерес квазичастицы, для которых матричный элемент (10) отличен от нуля, но спектральный вес в основном состоянии равен нулю из-за нулевых чисел заполнения. Такие состояния мы называем виртуальными. Виртуальные состояния могут приобрести ненулевой вес при изменении конфигурации электронов (например, в слоях CuO_2 при дырочном допировании [12]) или при оптической накачке возбужденных уровней. Для FeVO_3 примером такого виртуального d -состояния служит квазичастица с энергией

$$\Omega'_v = E_{3/2}(d^5) - E_2(d^4). \quad (16)$$

Для сравнения с экспериментом необходимо определить параметры модели, что будет обсуждаться ниже. Поскольку ранее поглощение в различных областях спектра рассматривалось лишь по отдельности, в следующем разделе мы приводим экспериментальный спектр поглощения FeVO_3 в широком диапазоне энергий $E \leq 3$ эВ, перекрывающем всю зонную щель E_{g0} .

4. СПЕКТР ОПТИЧЕСКОГО ПОГЛОЩЕНИЯ FeVO_3 В ШИРОКОМ ДИАПАЗОНЕ ЭНЕРГИЙ

Ранее в работах [25–27] сообщалось об исследованиях оптического поглощения и магнитооптического эффекта Фарадея в борате железа в видимой и ближней инфракрасной (1.0–2.3 эВ) областях спектра. Результаты аналогичных измерений для области сильного поглощения (2.6–3.3 эВ) были представлены в работе [4]. Ниже для удобства читателей мы приводим спектр поглощения FeVO_3 в широком диапазоне энергий.

Монокристаллы FeVO_3 были получены В. В. Руденко методом спонтанной кристаллизации из раствора в расплаве. Кристаллы имели форму тонких шестигранных пластинок зеленоватой окраски. Толщина пластинок, выбранных для оптических измерений, составляла около 80 мкм для первого диапазона и 20 мкм для второго; площадь в обоих случаях примерно 2 мм². Плоскость пластинок соответствует легкой плоскости намагниченности. Трудная ось намагниченности, совпадающая с оптической осью кристалла, нормальна к плоскости пластины. Таким образом, небольшим внешним полем, параллельным плоскости кристалла, можно было при необходимости легко изменять направление магнитного момента в плоскости. Спектры оптического поглощения измерялись в интервале температур 80–300 К с помощью автоматического спектрометра.

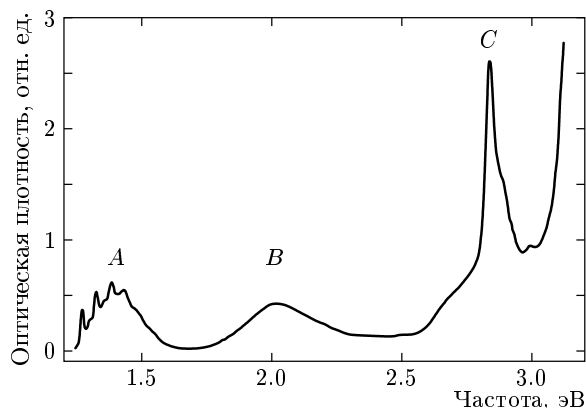

Рис. 2. Спектр оптического поглощения монокристаллов FeVO_3 при температуре 83 К

Сочетание достаточно высокой температуры Нееля ($T_N = 348$ К) и прозрачности в видимой области спектра позволяет провести детальное сравнительное исследование оптического поглощения и магнитооптических эффектов в проходящем свете в области трех полос поглощения с наименьшими энергиями. Выявлены три группы полос (рис. 2), A , B , C , как и в работах [4, 25–27]; их интерпретация в рамках развиваемой многоэлектронной модели будет дана ниже. Главное отличие в том, что кроме d - d -переходов ${}^6A_{1g}({}^6S) \rightarrow {}^4T_{1g}({}^4G)$ — группа A полос, ${}^6A_{1g}({}^6S) \rightarrow {}^4T_{2g}({}^4G)$ — группа B и ${}^6A_{1g}({}^6S) \rightarrow {}^4A_{1g}, {}^4E_g({}^4G)$ — группа C , в полосы B и C вклад дают и p - d -переходы с переносом заряда. Мы используем данные рис. 2, а также рентгеновского фотоэлектронного спектра [12] для определения кулоновских параметров модели.

Исходя из выражений для энергий d - d -экситонов, полос A , B и C , а также дополнительных пиков спектров эффекта Керра через параметры Рака, авторы работы [28] для FeVO_3 определили $B = 680$ см⁻¹, $\Delta = 12700$ см⁻¹. Из их же данных легко находится параметр $C = 3160$ см⁻¹. Отметим, что параметры B и C несколько меньше значений для свободного иона Fe^{3+} , но отношение $C/B = 4.65$ вполне типичное. Параметр кристаллического поля $\Delta = 1.57$ эВ больше значения $\Delta = 1$ эВ, полученного в зонных расчетах [12]. По известным значениям B и Δ из диаграмм Танабе–Сугано [14] мы определяем положения нижних возбужденных термов конфигураций d^5 со спинами 3/2 и 1/2 (см. рис. 1) относительно основного терма ${}^6A_1$. На рис. 1 схематично показаны нижние термы конфигураций d^4 и d^6 . Мы не приводим здесь значений энергий этих термов, потому что для каждой конфигурации d^n , вообще го-

воря, существует свое начало отсчета энергии, зависящее от выбора химического потенциала. Кроме того, даже для определения положения возбужденных термов относительно нижнего для конфигураций d^4 и d^6 требуются значения соответствующих параметров B и Δ . Хотя конкретные значения энергий этих термов в настоящей работе нам не понадобятся, для справки мы приведем их энергии, полученные из диаграмм Танабе–Сугано в предположении об одинаковости параметров B и Δ для Fe^{4+} , Fe^{3+} и Fe^{2+} (в эВ):

$$\text{Fe}^{4+} : E(^5E) = 0, \quad E(^3T_1) = 0.59, \quad E(^1T_2) = 1.60,$$

$$\text{Fe}^{2+} : E(^5T_2) = 0, \quad E(^1A_1) = 0.17, \quad E(^3T_1) = 0.76,$$

$$E(^3T_2) = 1.18.$$

В то же время разность энергий термов $E(d^{n+1}) - E(d^n)$, имеет смысл энергии добавления одного электрона; на одночастичной плотности состояний $N(E)$ есть пик при данной энергии. В частности, для нижней и верхней хаббардовских подзон, Q_v и Q_c , получаем

$$\begin{aligned} \Omega_v &= \varepsilon_d + 3\Delta/5 + 4V - 4J, \\ \Omega_c &= \varepsilon_d - 2\Delta/5 + U + 4V. \end{aligned} \quad (17)$$

Для FeVO_3 уровень Ω_v заполнен, а Ω_c пустой при $T = 0$. Это означает, что в эксперименте уровень Ω_v определяет пик d -типа в спектрах фотоэлектронов или рентгеновского поглощения. Действительно, подобный пик наблюдается в рентгеновских фотоэлектронных спектрах [12] при энергии связи около 1.4 эВ. Отсчитывая одночастичные энергии от потолка валентной зоны ε_v , полагаем $\Omega_v - \varepsilon_v = -1.4$ эВ.

Из оптических спектров поглощения видно, что интенсивность пика C намного больше, чем пиков A и B . Общепринятая интерпретация этого факта состоит в том, что пик C формируется не только d - d -экситоном, ${}^6A_1 \rightarrow {}^4A_1$, но и переходом с переносом заряда, $p^6d^5 \rightarrow p^5d^6$. Последний соответствует рождению дырки на потолке валентной зоны и заполнению уровня Ω_c и имеет энергию $\Omega_c - \varepsilon_v = 2.8$ эВ. Из оптических данных мы можем также определить обменный хундовский параметр J : не зависящие от кристаллического поля основной терм ${}^6A_1$ конфигурации d^5 и возбужденный терм ${}^4A_1$ имеют энергии, приведенные в разд. 2, а их разность определяет энергию экситона полосы C (22600 см^{-1}) и равна $E({}^4A_1) - E({}^6A_1) = 4J$, откуда находим $J = 5650 \text{ см}^{-1} = 0.70$ эВ. Такое значение хундовского обмена типично для $3d$ -элементов.

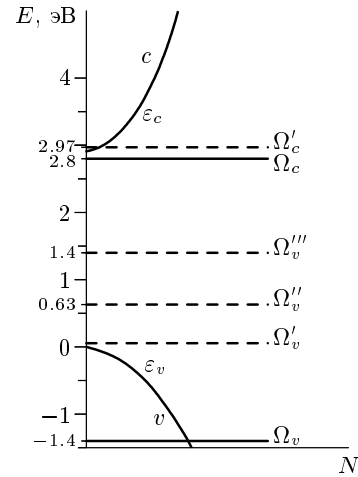

Рис. 3. Схема плотности состояний для FeVO_3 в магнитоупорядоченной фазе. Уровень Ферми лежит выше потолка валентной зоны ε_v

5. ПЛОТНОСТЬ ОДНОЧАСТИЧНЫХ СОСТОЯНИЙ ДЛЯ FeVO_3

Полученная нами схема плотности состояний приведена на рис. 3, где показаны пустые s - и p -зоны проводимости с дном зоны ε_c , заполненные валентные s - и p -зоны с потолком ε_v ; $\varepsilon_c - \varepsilon_v = E_{g0} = 2.9$ эВ. Прямыми линиями (без учета дисперсии электронов и их затухания — это дельта-функции) отмечены энергии локальных d -квазичастиц. Имея в виду спин-поляронное подавление межатомных d - d -перескоков в магнитоупорядоченной фазе (14), мы показываем только локальные d -пики. Безусловно, флуктуационный вклад в формирование узких d -зон есть; мы его оцениваем как $t_v^2 \sim t^2 n_0$, где n_0 равняется концентрации нулевых квантовых флуктуаций [24]. Для трехмерного изотропного антиферромагнетика типичное значение [29] $S - \langle S^z \rangle \approx 0.078$ дает $n_0 = 0.03$, $t_v \approx 0.035$ эВ, при этом соответствующая ширина зоны $2zt_v \approx 0.42$ эВ.

Верхняя заполненная d -зона Ω_v (15) лежит ниже потолка валентной зоны, а нижняя пустая d -зона Ω_c находится ниже дна зоны проводимости внутри щели. Таким образом, диэлектрическая щель определяется возбуждениями с переносом заряда, $p^6d^5 \rightarrow p^5d^6$, с потолка валентной зоны в зону Ω_c (charge transfer gap по классификации [30]). Отметим, что энергия перехода между нижней и верхней хаббардовскими зонами,

$$\Omega_c - \Omega_v = E_2(d^6) + E_2(d^4) - 2E_{5/2}(d^5), \quad (18)$$

может быть названа эффективным значением ку-

лоновского отталкивания, U_{eff} . В модели Хаббарда $U_{eff} = U$, но в нашем случае из-за орбитальных эффектов $U_{eff} \neq U$, $U_{eff} = U + 4J - \Delta$. Именно этот параметр в сравнении с шириной d -зоны определяет режим спин-электронных корреляций. Пользуясь приведенными в разд. 4 экспериментальными значениями Ω_v и Ω_c , находим $U_{eff} = 4.2$ эВ. При $J = 0.7$ эВ и $\Delta = 1.57$ эВ получаем $U = 2.97$ эВ, $V = (U - J)/2 = 1.15$ эВ.

Решением уравнения (13) для заполненной конфигурации d^5 является химический потенциал, лежащий посередине между пустым уровнем Ω_c и заполненным Ω_v :

$$\mu = \frac{1}{2}(\Omega_c + \Omega_v) = \varepsilon_d + \frac{U}{2} + \frac{\Delta}{10} + 4V - 2J.$$

Отсчет энергий от химического потенциала позволяет явно увидеть электронно-дырочную симметрию задачи:

$$\Omega_c - \mu = \frac{U}{2} - \frac{\Delta}{2} + 2J = -(\Omega_v - \mu).$$

Спектральный вес состояний Ω_v и Ω_c с учетом спина равен единице, а не двойке, как для свободных электронов. На рис. 3 штрихами показаны виртуальные уровни Ω'_v (16), $\Omega''_v = E(^4T_2) - E_2(d^4)$ и $\Omega'''_v = E(^4A_1) - E_2(d^4)$, их спектральный вес равен нулю в основном состоянии, а энергии $\Omega'_v - \Omega_v$, $\Omega''_v - \Omega_v$ и $\Omega'''_v - \Omega_v$ переходов совпадают с экситонными энергиями ε_A , ε_B и ε_C . При оптической накачке термов $^4T_1$, $^4T_2$ и $^4A_1$ их заселенности уже отличны от нуля, так что спектральные веса виртуальных уровней Ω'_v , Ω''_v и Ω'''_v будут пропорциональны концентрации оптически возбужденных ионов Fe^{3+} . Таким образом, экситонные переходы внутри одной d^n -конфигурации могут отображаться виртуальным уровнем в одноэлектронной плотности состояний, переходу $\Omega_v \rightarrow \Omega'_v$ соответствует рождение дырки в зоне Ω_v и электрона в зоне Ω' .

Рассмотрим интерпретацию оптического спектра поглощения в рамках нашей модели. Экситонная линия A использовалась для нахождения параметров, поэтому совпадение теоретической и экспериментальных энергий тривиально. Расщепление линии A на компоненты A_1 – A_4 наблюдается при низких температурах, линия A_1 интерпретируется как магнотный спутник чисто экситонной линии, а полосы A_2 – A_4 — как фонные повторения экситон-магнотной линии A_1 [25]. Действительно, при низких температурах спиновые уровни $E_S(d^n)$ расщеплены внутренним молекулярным полем $I\langle S^z \rangle$ по проекции M_z :

$$E_S(d^n, M_z) = E_S(d^n) - I\langle S^z \rangle M_z, \quad (19)$$

так что при $T = 0$ заполнен только подуровень $M_z = +5/2$ терма $^6A_1$ и переходы на нижний подуровень $M_z = +5/2$ терма $^4T_1$ требуют участия магнотона.

Что касается пика B , он соответствует экситону $\varepsilon_B = E(^4T_2) - E(^6A_1)$. Для полосы C вклады кроме экситона $\varepsilon_C = E(^4A_1) - E(^6A_1)$ дают переходы с потолка валентной зоны в зону Ω_c (возбуждение с переносом заряда).

6. ТЕМПЕРАТУРНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ПОЛОСЫ A

Температурная зависимость зонной структуры локальных квазичастиц видна из общей формулы (7) вследствие температурного размытия функции распределения. Но в магнитных материалах возникает более сильная зависимость за счет взаимосвязи электронной и магнитной подсистем. Все пики A_1 – A_4 при повышении температуры сдвигаются в сторону меньших энергий на 40 см^{-1} в интервале температур 30–200 К [28]. Для пика A_1 , согласно (19), имеем

$$\begin{aligned} \Delta E(T) &= E_{5/2}(d^5, +5/2) - E_{3/2}(d^5, +3/2) = \\ &= \Delta E(0) + I\langle S^z \rangle. \end{aligned}$$

С ростом T величина $\langle S^z \rangle$ уменьшается, так что значение ΔE сдвигается в область меньших энергий. Из измерений температурной зависимости $\langle S^z \rangle(T)$ намагнитченности подрешетки [31] следует, что

$$\frac{\langle S^z \rangle(30 \text{ К}) - \langle S^z \rangle(200 \text{ К})}{\langle S^z \rangle(30 \text{ К})} \approx \frac{1}{8},$$

так что из величины сдвига экситона A_1 ,

$$\Delta E(30 \text{ К}) - \Delta E(200 \text{ К}) \approx \frac{5}{2} I \cdot \frac{1}{8},$$

можем оценить фурье-образ межатомного обменного интеграла при $q = 0$: $I \approx 0.015$ эВ. Именно эта величина определяет температуру Нееля. В простейшем варианте приближения среднего поля

$$T_N = IS(S + 1)/3$$

получаем $T_N = 317$ К, что очень близко к наблюдаемой величине $T_N = 348$ К. Можно также связать магнитные и электронные параметры следующим образом: $I = Jz$, где J — параметр косвенного обменного взаимодействия между соседними ионами Fe^{3+} . Для величины J можно получить оценку

$$J \sim 2t_v^2/U_{eff},$$

что дает $t_v \approx 0.05$ эВ. Выше, в разд. 4, мы оценили флуктуационный вклад в величину $t_v \approx 0.035$ эВ. Таким образом, электронные, магнитные и оптические свойства FeVO_3 в нашей модели достаточно хорошо согласуются друг с другом.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Может возникнуть вопрос, в какой степени можно считать верными и использовать результаты одноэлектронных зонных расчетов [12, 13] для системы со спин-электронными корреляциями типа FeVO_3 . Действительно, расчет [12] в приближении локального спинового функционала плотности не учитывает корреляционных эффектов, что приводит к тому, что уровень Ферми находится в частично заполненной d -зоне, что означает металлическое состояние. Расчет [13] выполнен в обобщенном градиентном приближении и учитывает нелокальные поправки к функционалу плотности, хотя и не ясно, насколько такой подход адекватен в режиме спин-электронных корреляций. Тем не менее в антиферромагнитной фазе получено [13] диэлектрическое состояние. Расчет изменения магнитного состояния с давлением также достаточно хорошо воспроизводит наблюдавшиеся недавно в [5, 6] магнитный и структурный фазовые переходы.

Мы считаем, что результаты зонного расчета в приближении локального функционала плотности могут использоваться как начальная информация, которую необходимо дополнить учетом перехода от одноэлектронного описания d -электронов к локальным квазичастицам-возбуждениям между термами d^n и d^{n+1} . При этом нет оснований не доверять результатам зонных расчетов s - и p -состояний бора и кислорода. Величина щели в запрещенной зоне $E_g^{(0)}$ близка к экспериментальной, кристаллическое поле Δ оказалось больше зонного значения в 1.5 раза, ширина d -зоны в зонной теории слишком завышена. Безусловно, нельзя доверять положению и статистике заполнения одноэлектронной d -зоны. Эффекты сильных электронных корреляций не только расщепляют d -зону на хаббардовские подзоны, но, что более важно, изменяют статистику квазичастиц d -типа. Как мы видим, при этом возникают весьма экзотические виртуальные состояния, спектральный вес которых определяется нестехиометрией или интенсивностью света.

В недавней работе [32] мы интерпретировали фазовый переход под давлением в FeVO_3 в рамках этой же модели как следствие пересечения уровней тер-

мов ${}^6A_1$ и ${}^4T_2$ с ростом кристаллического поля Δ . При этом параметры модели определялись в [32] частично с использованием зонных расчетов [12], частично из оптических данных. Как оказалось, такой способ может приводить к неоднозначным результатам, ибо теоретическое и экспериментальное значения одной и той же величины не являются независимыми параметрами. Поэтому в настоящей работе мы используем только экспериментальные данные для определения параметров. В результате величины $U \approx 3$ эВ и $J \approx 0.7$ эВ оказались существенно большими, чем в [32]. Однако выводы работы [32] о природе фазового перехода с давлением остаются полностью справедливыми.

В заключение отметим, что в настоящей работе построена многоэлектронная модель зонной структуры FeVO_3 , учитывающая как одноэлектронные s - и p -состояния бора и кислорода, так и многоэлектронные термы ионов Fe^{2+} , Fe^{3+} и Fe^{4+} , формируемые сильными внутриатомными d - d -корреляциями. В плотности одночастичных состояний на фоне валентной зоны и зоны проводимости имеется набор узких пиков, обусловленных локальными квазичастицами d -типа. Каждая квазичастица соответствует электрону с зарядом e , спином $1/2$, но с уменьшенным спектральным весом, и только сумма спектральных весов всех квазичастиц дает одноэлектронный спектральный вес. В рамках этого подхода удалось в хорошем согласии с экспериментом идентифицировать основные особенности спектра поглощения, связанные с экситонными возбуждениями и электронными возбуждениями с переносом заряда. Найденные параметры электронной и магнитной структур хорошо согласуются друг с другом.

Авторы благодарят А. В. Малаховского, Р. В. Писарева, Д. М. Хомского и И. С. Эдельман за обсуждение результатов и критические замечания. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 03-02-16286) и программы «Сильно коррелированные электроны» Отделения физических наук Российской академии наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. R. Wolff, A. J. Kurtzig, and R. C. Lecraw, J. Appl. Phys. **41**, 1218 (1970).
2. I. Bernal, C. W. Struck, and J. G. White, Acta Cryst. **16**, 849 (1963).
3. R. Diehl, Sol. St. Comm. **17**, 743 (1975).

4. И. С. Эдельман, А. В. Малаховский, Т. И. Васильева, В. Н. Селезнев, ФТТ **14**, 2810 (1972).
5. A. G. Gavtaliuk, I. A. Trojan, R. Boehler et al., Письма в ЖЭТФ **75**, 25 (2002).
6. В. А. Саркисян, И. А. Троян, М. С. Любутин и др., Письма в ЖЭТФ **76**, 788 (2002).
7. Н. Б. Иванова, В. В. Руденко, А. Д. Балаев и др., ЖЭТФ **121**, 354 (2002).
8. A. V. Kimel, R. V. Pisarev, J. Hohlfeld, and Th. Rasing, Phys. Rev. Lett. **89**, 287401 (2002).
9. Р. О. Зайцев, Письма в ЖЭТФ **65**, 881 (1997).
10. Р. О. Зайцев, Письма в ЖЭТФ **72**, 109 (2000).
11. В. А. Гавричков, С. Г. Овчинников, А. А. Борисов, Е. Г. Горячев, ЖЭТФ **118**, 422 (2000).
12. A. V. Postnikov, St. Bartkowski, M. Neumann et al., Phys. Rev. B **50**, 14849 (1994).
13. K. Parlinski, Eur. Phys. J. B **27**, 283 (2002).
14. Y. Tanabe and S. Sugano, J. Phys. Soc. Jpn. **9**, 766 (1954).
15. Д. Т. Свиридов, Ю. Ф. Смирнов, *Теория оптических спектров ионов переходных металлов*, Наука, Москва (1977).
16. И. С. Эдельман, А. В. Малаховский, ФТТ **15**, 3084 (1973).
17. Р. О. Зайцев, ЖЭТФ **70**, 1100 (1976).
18. Ю. А. Изюмов, М. И. Кацнельсон, Ю. Н. Скрябин, *Магнетизм коллективизированных электронов*, Физматгиз, Москва (1994).
19. В. В. Вальков, С. Г. Овчинников, *Квазичастицы в сильно коррелированных системах*, Изд-во Сибирского отделения РАН, Новосибирск (2001).
20. H. Lehmann, Nuovo Cim. **11**, 342 (1954).
21. А. А. Абрикосов, Л. П. Горьков, И. Е. Дзялошинский, *Методы квантовой теории поля в статистической физике*, Физматгиз, Москва (1962).
22. Е. М. Лифшиц, Л. П. Питаевский, *Статистическая физика*, ч. 2, Наука, Москва (1978).
23. Э. Л. Нагаев, *Физика магнитных полупроводников*, Наука, Москва (1979).
24. С. Г. Овчинников, ЖЭТФ **107**, 796 (1995).
25. B. Andlauer, O. F. Schirmer, and J. Schneider, Sol. St. Comm. **13**, 1655 (1973).
26. A. J. Kurtzig, R. Wolff, R. C. Le Graw, and J. W. Nielsen, Appl. Phys. Lett. **14**, 350 (1969).
27. K. Egashira, T. Manabe, and H. Katsiraki, J. Phys. Soc. Jpn. **31**, 602 (1971).
28. В. Н. Заблуда, А. В. Малаховский, И. С. Эдельман, ФТТ **27**, 133 (1985).
29. P. W. Anderson, Phys. Rev. **86**, 694 (1952).
30. J. Zaanen, G. A. Sawatzky, and J. W. Allen, Phys. Rev. Lett. **55**, 418 (1985).
31. А. М. Кадомцева, Р. З. Левитин, Ю. Ф. Попов и др., ФТТ **14**, 214 (1972).
32. С. Г. Овчинников, Письма в ЖЭТФ **77**, 808 (2003).